

The background of the cover is a watercolor illustration. A fox is shown from the back, sitting in a field of tall grass and looking towards a distant landscape. The landscape features rolling hills, a winding path, and a large, low sun or moon on the horizon. The scene is framed by the thin, leafy branches of trees in the foreground. The overall color palette is muted, with earthy tones like browns, greens, and yellows.

САРА ПЕННИПАКЕР

ПАКС

ИЛЛЮСТРАЦИИ ДЖОНА КЛАССЕНА

Пакс

Сара Пеннипакер

Пакс

«Самокат»

2016

Пеннипакер С.

Пакс / С. Пеннипакер — «Самокат», 2016 — (Пакс)

ISBN 978-5-91759-672-3

Питер и Пакс, мальчик и его лис, лис и его мальчик — в этой жизни они помогают друг другу пережить горе, которое у каждого — своё. Родители Пакса погибли, когда тот был лисёнком, а Питер, недавно потерявший маму, спас его от смерти. Они не друзья и не братья, они не хозяин и питомец. Они — одно целое. Но Питер осознаёт это, только когда ему приходится расстаться с Паксом. А осознав, отправляется на поиски своего лиса. Пронзительная и искренняя книга о правде и лжи, о бессмысленности войны, о хрупкости природы, о верности себе и умении сопереживать, лучшая детская книга 2016 года по версии Amazon.

ISBN 978-5-91759-672-3

© Пеннипакер С., 2016

© Самокат, 2016

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сара Пеннипакер Пакс

Моему агенту, Стивену Малку, который сказал «Пакс».
С. П.

Общение лис – сложная система голосовых и мимических сигналов, запахов и поз. Набранные курсивом «диалоги» в главах от Пакса – попытка перевести этот выразительный лисий язык в слова.

То, что это не происходит здесь, не значит, что это не происходит.

Глава 1

Лис догадался, что автомобиль замедляет ход, раньше мальчика, он всегда чуял всё раньше. Подушечками лап, вибриссами, позвонками. А когда дрожание и гул изменились, лис понял, что дорога стала неровная. Он вытянулся на коленях у мальчика, ловя струйки запахов из окна. Струйки говорили, что снаружи лес. Резкие ароматы сосновой древесины, коры, шишек и хвои будто иглами пронзали воздух, между ними вились более мягкие нити клевера, дикого чеснока, папоротников и ещё сто других запахов, которые были лису незнакомы, но все они были зелёные и настойчивые.

Его мальчик тоже что-то чуял. Он притянул лиса обратно на колени и крепче прижал к себе своей бейсбольной перчаткой.

Мальчик тревожился, вот что удивляло лиса. Они и прежде ездили в автомобиле, несколько раз, но тогда мальчик был спокоен и даже весел. Лис сунул нос в карман перчатки¹, хотя и ненавидел запах кожи. Когда лис делал так, его мальчик всегда смеялся. Сейчас он обхватит перчаткой голову лиса, а лис станет вырываться, и игра отвлечёт мальчика.

Но мальчик поднял лиса на руки и прижался лицом к белой шерсти воротника.

Только тогда лис понял, что его мальчик плачет. Он извернулся, чтобы увидеть его лицо и убедиться. Да, мальчик плакал, но без единого звука – такого лис тоже не помнил. Он вообще уже очень давно не видел, чтобы из глаз его мальчика лились слёзы, но раньше, когда такое случалось, мальчик вначале всегда громко вскрикивал, словно требовал внимания: сейчас начнётся, сейчас потечёт эта солёная вода.

Лис лизнул слезу и удивился ещё больше. Не было запаха крови. Он вывернулся из рук, чтобы рассмотреть своего человека внимательнее: неужели он, лис, не заметил рану, неужели нюх подвёл? Нет, лисий нюх никогда не подводит: крови не было. Ни крови, ни кровоподтёка под кожей. И костный мозг не сочился, как однажды, из трещины в кости.

Машину качнуло вправо, и чемодан на сиденье рядом с мальчиком тоже съехал вправо. Лис по запаху знал, что внутри – одежда мальчика и вещи из его комнаты, до которых мальчик дотрагивался чаще всего: фотография с комода и то, что всегда было спрятано в нижнем ящике, в тайнике. Лис тронул лапой угол чемодана, надеясь, что крышка приподнимется и мальчик своим слабым носом учует любимые запахи и успокоится. Но машина как раз заскрежетала и поползла ещё медленнее. Мальчик качнулся вперёд, сжал голову руками. Сердце лиса забилося чаще, остевые волосы на хвосте приподнялись, встали торчком. От новой одежды

¹ Карман бейсбольной перчатки-ловушки предназначен для захвата бейсбольного мяча. (Здесь и далее – примеч. пер.)

отца мальчика пахнуло палёным металлом, обожгло горло. Лис подскочил к окну, заскреб стекло. Дома, когда он так делал, его мальчик иногда открывал окно, и лису сразу становилось лучше.

Но вместо этого мальчик снова притянул лиса к себе на колени и стал что-то говорить отцу просящим голосом. Лис научился понимать значение многих человеческих слов, и только что мальчик произнёс слово, которое лис хорошо знал: «НЕЛЬЗЯ». Часто вслед за этим словом звучало одно из двух знакомых лису имён: его собственное или имя мальчика. Лис внимательно слушал, но сегодня было только «нельзя», без имён; оно звучало просительно, и мальчик повторял его снова и снова.

Автомобиль ещё раз тряхнуло, он съехал на обочину и остановился, за окном взметнулось облачко пыли. Отец перегнулся через сиденье, проговорил несколько слов ласковым голосом, который совсем не вязался с его крепким запахом лжи, и поднял лиса, взяв его за шкуру.

Его мальчик не сопротивлялся, поэтому лис тоже не сопротивлялся, висел смиренно и безвольно. Он мог бы укунить державшую руку, просто от страха, но решил сегодня не сердить своих людей. Отец толкнул дверцу машины и, широко шагая, направился по гравию, потом через бурьян к кромке леса. Мальчик шёл следом.

Как только отец разжал руку, лис отскочил в сторону. Внимательно глядя на своих людей, лис вдруг заметил: они уже почти одного роста. В последнее время мальчик стал очень высоким.

Отец указывал в глубь леса. Мальчик долго смотрел на отца, из его глаз снова потекло. Но он вытер лицо рукавом футболки и кивнул. Сунул руку в карман джинсов и достал старого пластмассового солдатики – любимую игрушку лиса.

Лис приготовился. Это была знакомая игра: мальчик бросает солдатики как можно дальше, лис отыскивает, и потом мальчик каждый раз будто не понимает, как у лиса это получилось. А лис, когда отыскивает игрушку, держит её в зубах и ждёт, когда мальчик подойдёт, заберёт солдатики и бросит снова.

Мальчик размахнулся и швырнул игрушку в лес. Значит, всё правильно – значит, они приехали в лес просто поиграть! Ни о чём больше не тревожась, лис сорвался с места. Он летел между стволами деревьев, не оглядываясь на людей. Если бы он оглянулся, если бы видел, как мальчик сбросил отцовскую руку, как зажал ладонями лицо, – он бы вернулся. Он дал бы своему мальчику всё что надо: охранял бы его, отвлёл, развлёл, был бы рядом. А он поскакал за игрушкой. В лесу её не так просто найти: кругом столько других запахов, и они сильнее. Но всё равно, ведь на игрушке – запах мальчика. И лис отыщет этот запах где угодно.

Солдат лежал на узловатом корне серого ореха лицом вниз, как будто сам бросился наземь от отчаяния. Приклад его винтовки был накрепко прижат к щеке, ствол зарылся в прошлогоднюю листву. Лис прихватил игрушку зубами, стряхнул лесную труху, сел и вытянулся, чтобы мальчик поскорее его нашёл.

Лес стоял неподвижно, шевелились только солнечные лучи, вспыхивали в лиственном пологе наверху, как в зелёном стекле. Лис ещё вытянулся. Мальчика не было видно. По хребту иголками пробежало беспокойство. Лис выпустил солдатики и тявкнул. Ничего. Он снова тявкнул – и снова ничего, никакого ответа. Если это какая-то новая игра, то лису она не нравилась.

Лис снова подобрал игрушку и по своим следам побежал назад. У самой кромки леса навстречу ему с пронзительным криком пронеслась сойка. Лис замер, разрываясь надвое.

У них с мальчиком игра, мальчик ждёт. Но – птицы! Сидя в своей загородке, лис мог часами следить за птицами; он трепетал, когда они легко рассекали небо – как стрелы молний летними вечерами. Его завораживала свобода полёта.

Сойка снова крикнула, уже из леса, и несколько таких же выкриков раздалось в ответ. Ещё секунду лис вглядывался – не мелькнёт ли ярко-синяя молния в просвете между стволами.

Но тут за спиной у лиса послышался другой звук: захлопнулась дверца. И потом вторая. Лис помчался, не обращая внимания на колючки, царапавшие щёки. Мотор зарычал, оживая; лис подскочил к краю дороги.

Его мальчик быстро опустил стекло и протянул обе руки. Когда машина отъезжала, брызгая гравием из-под колёс, отец выкрикнул имя мальчика: «Питер!» – а мальчик выкрикнул второе знакомое лису имя:

– Пакс!

Глава 2

Надо же. Их, оказывается, была уйма. – Питер понимал, что это звучит глупо, но всё равно не удержался и повторил: – Уйма.

Он возил рукой по дну обшарпанной жестяной коробки из-под печенья. В коробке лежали пластмассовые солдатики – все одинаковые, только в разных позах: кто лёжа, кто стоя, кто на одном колене. И все крепко прижимались оливково-зелёными щеками к прикладам своих винтовок. – А я думал, только один.

– Куда там один. Шагнуть нельзя было, чтоб не наступить. Их у него были целые сотни. Целая армия! – Дед расхохотался, довольный своей случайной шуткой, но Питер не смеялся. Отвернувшись, он сосредоточенно смотрел в окно, будто увидел что-то особенное на заднем дворе. Потом поднял руку и провёл костяшками пальцев по своей щеке снизу вверх – точь-в-точь как отец, когда у него отрастала щетина, – и незаметно вытер стоявшие в глазах слёзы. Разнюнился, как младенец. Да и с чего, спрашивается? Ему двенадцать, и он уже несколько лет не плакал, даже когда однажды сломал большой палец – когда ловил голый рукой, без перчатки, поп-флай² Джоша Хуригана. Боль была ещё какая, но он только бормотал всякие ругательные слова, когда сидел вместе с тренером в очереди на рентген. Потому что он мужчина. А сегодня – уже второй раз.

Питер достал из коробки пластмассового солдата и тут же вспомнил, как однажды он нашёл точно такого же у отца в столе.

² Поп-флай – мяч, выбитый высоко в воздух на небольшое расстояние в пределах бейсбольного поля.

– Это откуда? – спросил тогда Питер.

Отец протянул руку, взял солдатика, и его лицо смягчилось.

– Ха. Сколько лет. Когда-то была моя любимая игрушка.

– А можно я его заберу?

Отец перебросил солдатика Питеру.

– Забирай.

Питер поставил солдатика на подоконник возле своей кровати, развернув его пластмассовой винтовкой к окну – чтобы солдат как будто держал оборону. Но не прошло и часа, как его утащил Пакс, и это было ужасно смешно: получилось, что Питер решил взять солдатика себе, а Пакс – себе.

Питер бросил игрушку обратно в коробку и уже собирался закрыть крышку, когда заметил, что из-под груды солдатиков торчит край пожелтелой фотографии. Питер потянул её за уголок.

На фотографии его отец, но лет десяти-одиннадцати от роду, обнимал одной рукой собаку. Кажется, это была помесь колли с сотней каких-то неизвестных пород. И, кажется, хорошая собака. Во всяком случае, такая, о которой потом захотелось бы рассказать сыну.

– Я и не знал, что у папы была собака. – Питер протянул фотокарточку деду.

– А-а, Герцог. Балбес был, каких свет не видывал, только и знал путаться под ногами. – Дед ещё поразглядывал фотографию, потом Питера, словно вот сейчас впервые что-то заме-

тил. – А волосы-то у тебя чёрные. Как у отца. И у меня раньше были такие же, точь-в-точь. – Он провёл рукой по своей седенькой бахrome, обрамляющей лысину. – И глянь-ка, какой он был худущий в те времена – ровно как ты. И ровно как я. А уши! Ты посмотри на него, прямо горшок с ручками. И все мужчины у нас в роду такие, потому как яблоко от яблони далеко не упадёт, понял?

– Понял. – Питер заставил себя улыбнуться, но улыбка продержалась недолго. «Путаться под ногами» – это он недавно слышал от отца: «Нечего твоему лису путаться там под ногами! Дед не может скакать вокруг него, как юнец, годы уже не те. И сам старайся не путаться. Он же не привык, когда дети в доме».

– У нас коли война – значит, надо идти воевать. Я сразу пошёл. Как мой отец. А теперь, видишь, и твой. Долг зовёт – мы его исполняем, вот так у нас в роду заведено. Так что яблочки наши падают куда надо. – Он отдал Питеру фотокарточку. – Твой отец и пёс этот – они были неразлучники. А я и забыл совсем.

Питер вернул фотографию на место, закрыл крышку и задвинул коробку туда, где она и стояла, – под кровать. И снова стал смотреть в окно. Он не мог сейчас говорить о питомцах. И не хотел слушать про долг. И уж точно не хотел слушать про яблоки и про яблоню, под которой эти яблоки застревали навечно.

– Во сколько тут начинается школа? – спросил он, не оборачиваясь.

– В восемь. А тебе велено явиться пораньше, познакомиться с учительницей. Её звать госпожа Мирес, не то Рамирес, как-то так. Я тут тебе кое-что приготовил. – Дед кивнул на стол, где лежали тетрадь на пружине, побитый термос и несколько полусточенных карандашей, перетянутых толстой резинкой.

Питер подошёл к столу, сложил всё в рюкзак.

– Спасибо. Тут автобус или пешком?

– Ещё чего. Пешком. Отец твой учился в этой же школе, и ничего, бегал пешочком. По Ясеновой до конца, направо по Школьной, а там увидишь – большое кирпичное здание. Улица Школьная, запомнил? Выйдешь в семь тридцать и останется ещё куча времени в запасе.

Питер кивнул. Ему хотелось побыть одному.

– Всё, я собрался. Наверное, буду уже ложиться.

– Ну давай, – с нескрываемым облегчением сказал дед. Выходя, он твёрдо закрыл за собой дверь, будто говорил: «Так и быть, живи в этой комнате, но остальной дом – мой».

Питер постоял перед дверью, послушал удаляющиеся шаги. Потом на кухне полилась вода и зазвякали тарелки. Питер представил, как его дед стоит перед раковиной и моет посуду. Тесная кухонька, где они в молчании ужинали тушёными овощами, так провоняла жареным луком, что эта вонь уж точно переживёт деда. Пройдёт лет сто, думал Питер, в доме десять раз сменятся хозяева, все они будут оттирать и отчищать эту кухню, но запах горечи останется всё равно.

Дед прошаркал по коридору к себе в спальню. Замелькал слабый свет от телевизора, но громкость была на минимуме, и тревожный голос телекомментатора почти не просачивался через дверь. Питер скинул наконец кроссовки и лёг на узкую кровать. Полгода – если не больше – жить в этом доме с дедом, который, кажется, вот-вот взорвётся. «Отчего он всё время выходит из себя?» – спросил как-то Питер отца – давно, несколько лет назад. «От всего. От жизни, – ответил отец. – А уж с тех пор как бабушка твоя умерла, стало совсем плохо».

Когда у Питера умерла мама, он следил за отцом с тревогой. Сначала было просто молчание, которое пугало. Но постепенно отцовское лицо будто окостенело, на нём застыло всегда одинаковое выражение угрозы, а руки отец держал сжатыми в кулаки и, кажется, ждал только повода, чтобы пустить их в ход. И Питер научился вести себя так, чтобы не стать таким поводом. Не путался под ногами.

Запах лука и застарелого жира заполнял всё, он сочился из стен, даже из постели. Питер открыл окно около кровати.

В комнату дунул холодный апрельский ветер. Пакс ни разу в жизни не ночевал один, разве только в своей загородке. Сейчас Питер пытался стереть из памяти ту последнюю минуту, когда он видел своего лиса. Может, он и недолго бежал потом за машиной. Но когда он выскочил на обочину и замер, не понимая, – вот это было хуже всего.

Опять зашевелилась тревога. Весь день, пока они ехали, она таилась, свернувшись кольцами где-то рядом. Питеру вообще всегда казалось, что его тревога похожа на змею – только и ждёт удобного момента, чтобы подползти, скользнуть по спине вверх, и он опять услышит знакомое насмешливое шипение. *Ты не там, где должен быть. Случится беда, потому что ты не там, где должен быть.*

Он перекатился на край и вытащил из-под кровати жестяную коробку. Достал фотокарточку. Отец так спокойно обнимает рукой чёрно-белого пса – будто вовсе не думает, что может его потерять.

Неразлучники. Питер заметил, с какой гордостью дед это произнес. Конечно. Деду есть чем гордиться: он воспитал сына, который понимает, что такое верность. И что такое ответственность. Ребёнок и его питомец, они и должны быть неразлучны. Но само это слово, «неразлучники» – будто попугаи какие-то, – звучало как упрёк. Получается, они с Паксом... разлучники?

А вот и нет, ничего подобного. Иногда у Питера вообще возникало странное ощущение, будто они с Паксом – одно целое. В первый раз так было, когда он впервые вывел своего лисёнка на прогулку. Пакс увидел птицу и напрягся, натянул поводок, задрожал как наэлектризованный. И Питер вдруг тоже увидел её глазами Пакса: птица – чудесный полёт молнии, невозможная свобода и скорость. Питер тогда вздрогнул всем телом, всей кожей, плечи обожгло будто тоской по крыльям. И то же самое сегодня днём: внезапно ему померещилось, что машина уехала, а он, Питер, остался на обочине один. Сердце заколотилось часто и тревожно.

В глазах опять защипало, и Питер сердито растёр слёзы по щекам. «Ты совершаешь правильный поступок, – сказал отец. – Идёт война. И, значит, все должны чем-то жертвовать. Я иду служить, это мой долг. А ты едешь к деду – это твой».

Конечно, Питер и так понимал, что это может случиться. Двое из его друзей собрались и уехали вместе с родителями, ещё когда об эвакуации говорили только шёпотом. Но он не понимал остального. Просто не думал о худшем. «А лис твой... ну, ему всё равно уже пора обратно в лес».

И в этот момент завыл койот – так близко, что Питер подскочил на постели. И второй отозвался. И третий. Питер сел и захлопнул окно, но слишком поздно. Теперь в голове у него крутились вой, лай и всё то, что может за ними последовать.

У Питера было всего два плохих воспоминания, связанных с мамой. Хороших было гораздо больше, и он любил перебирать их в памяти, ему от них становилось спокойнее. Правда, он немного волновался, не сотрутся ли они от слишком частого использования. Плохие воспоминания он запрятал глубоко. И делал всё возможное для того, чтобы они оставались запрятанными. Но сейчас, пока койоты лаяли у него в голове, одно из них само выскочило на поверхность.

Когда ему было лет пять, он подошёл к маме, которая в растерянности разглядывала свою клумбу с кроваво-красными тюльпанами. Половина тюльпанов стояли по стойке смирно, а половина, со смятыми лепестками, были разбросаны по земле.

– Видишь, что кролик наделал. Стебли ему понравились, паршивцу.

Вечером Питер помогал отцу ставить ловушку на кролика.

– Мы ведь не сделаем ему больно, да?

– Не сделаем. Поймаем и отвезём в соседний город. Пускай грызёт там чьи-нибудь чужие тюльпаны.

Питер сам положил в ловушку морковку и потом долго упрашивал, чтобы ему разрешили сегодня лечь в саду – последить за ловушкой. Отец не разрешил, зато помог завести будильник: Питер хотел утром встать раньше всех. Как только будильник задребезжал, Питер побежал в мамину спальню, чтобы взять маму за руку и отвести в сад – и они бы увидели сюрприз вместе.

Ловушка лежала на боку, на дне свежевырытой воронки глубиной не меньше пяти футов. Внутри ловушки лежал маленький мёртвый крольчонок. На его тельце не было ни одной отметины, но клетка была помята и исцарапана, а земля вокруг разрыта когтями до скалы.

– Койоты, – сказал отец, который тоже вышел посмотреть. – Видать, пытались до него добраться, а он со страху и того. А мы даже не проснулись.

Мама открыла ловушку, достала безжизненный комочек. Прижала к лицу.

– Тюльпаны. Всего-навсего несколько тюльпанов.

Питер вытащил морковку, чуть-чуть обгрызенную с одного конца, и зашвырнул так далеко, как только мог. Потом мама уложила мёртвого крольчонка Питеру на ладони и пошла за лопатой. Питер провёл кончиком пальца вдоль ушей, которые разворачивались над мордочкой, как папоротники, потрогал чудесные маленькие лапки, коснулся шеи в том месте, где пух слипся от маминых слёз.

Вернувшись, мама погладила Питера по щеке. Щека горела от стыда.

– Ну что ты, малыш. Ты же не знал.

Не знал. Но ещё долго, закрывая глаза, Питер видел койотов. Они рыли когтями землю, клацали зубами. И он видел себя – там, где он должен был быть: в саду. Он должен был дежурить в саду в ту ночь – охранять, ждать. Снова и снова Питер видел, как он делает то, что должен: вылезает из спального мешка, находит камень, швыряет камень. И как койоты убегают обратно в темноту, и как он открывает ловушку и выпускает крольчонка.

После этого воспоминания тревога Питера – змея – ударила так, что вышибла из него весь воздух.

Он был не там, где должен был быть, в ночь, когда койоты убили крольчонка, и сейчас он тоже не там, где должен быть. Он попытался вздохнуть, наполнить лёгкие, сел. Разорвал фотокарточку пополам и ещё раз пополам, закинул обрывки под кровать.

Бросить Пакса – *неправильный* поступок.

Питер вскочил на ноги. Сколько времени уже потеряно!

Он метнулся к чемодану, похватал какие-то вещи, отыскал камуфляжную футболку с длинным рукавом и флисовую куртку, запасные носки, смену белья. Затолкал в рюкзак – всё кроме куртки, её обвязал вокруг пояса. Складной ножик – в карман джинсов. Бумажник. Он немного колебался: походные ботинки или кроссовки? Решил, пусть будут ботинки, но обуваться пока не стал. Оглядел комнату – не найдётся ли фонарик или какое-нибудь туристское

снаряжение. Отец жил в этой комнате, когда был мальчиком, но, похоже, дед повывкидывал все вещи, осталась только стопка книжек на полке. И ещё жестянка с солдатиками – но это явный недосмотр, дед даже удивился, когда Питер вытащил её из-под кровати. Питер провёл пальцем по корешкам книг.

Атлас. Питер открыл его, изумляясь своей удаче, и пролистал до той страницы, где можно было проследить их с отцом маршрут. «Здесь недалеко, миль триста. – Пару раз за поездку отец нарушал молчание, пытался завязать разговор. – В первый же выходной я к тебе приеду». Не приедет, подумал Питер. На войне не бывает выходных.

И вообще, Питер тосковал сейчас не об отце.

Тут он увидел в атласе кое-что, чего не заметил в дороге: шоссе, по которому они ехали, огибало длинный горный хребет. Если не делать крюк, а пойти напрямик, можно сэкономить кучу времени, плюс меньше шансов, что поймают. Он уже собрался выдрать страницу, но вовремя спохватился: не стоит оставлять деду такую очевидную подсказку. Поэтому он просто долго смотрел на карту, потом вернул атлас на полку.

Триста миль. Но если срезать по прямой, то миль сто можно сразу откинуть, остаётся около двухсот. Если он будет проходить хотя бы по тридцать миль в день, дойдёт за неделю, даже раньше.

Они оставили Пакса в начале подъездной дороги, которая вела к развалинам старой верёвочной фабрики. Питер сам настоял на том, чтобы они свернули на эту дорогу. Пакс ведь не знает, что машины – это опасно, а этой дорогой уже давно никто не пользуется, и вокруг только леса и поля. Он вернётся, и Пакс будет его там ждать. Через семь дней. Питер не позволил себе думать о том, что может случиться за эти семь дней с ручным лисом. Нет, Пакс будет ждать его на обочине, там же, где они его оставили. Он, конечно, будет голоден и, может быть, напуган, но с ним всё будет в порядке. Питер заберёт его домой. Они будут жить дома. И тогда уже никто не заставит его уехать – пусть только попробуют. Вот *это* будет правильный поступок.

Питер и Пакс. Неразлучники. Нет, не так. Неразлучимы.

Он ещё раз оглядел комнату. Хотелось поскорее выскочить из дома и бежать, но Питер удерживал себя: сейчас важно ничего не упустить. Постель. Он откинул одеяло, смял простыню и побил подушку кулаком, чтобы казалось, что на ней спали. Достал из чемодана мамину фотокарточку, которая всегда стояла у него на комод, – с её последнего дня рождения: мама держит воздушного змея, которого сделал для неё Питер, и улыбается так, будто это самый лучший подарок в её жизни. Питер спрятал фотографию поглубже в рюкзак.

Потом он достал мамины вещи, которые дома лежали у него в нижнем ящике комода. Садовые перчатки, запачканные землёй от последних пересаженных мамой растений; коробка её любимого чая, из которого давно выветрилась вся мята; толстые красно-белые полосатые гольфы, в которых мама ходила зимой. Питер ещё раз потрогал все её вещи, ему хотелось забрать их все домой, где они и должны быть. Но потом он взял только одну, самую маленькую вещицу – золотой браслет, который мама всегда носила не снимая, с эмалевым амулетом-фениксом, – и тоже положил в рюкзак, к фотографии.

И последний взгляд на комнату. На тумбочке Питер увидел свою перчатку-ловушку и бейсбольный мяч и тоже сунул в рюкзак. Перчатка и мяч не тяжёлые, а дома они ему понадобятся. И вообще, он чувствует себя лучше, когда они у него есть.

Питер тихо открыл дверь и прокрался на кухню. Он поставил рюкзак на дубовый стол, включил тусклую подсветку над плитой и стал складывать запасы. Пакетик изюма, пачка печенья, полупустая банка арахисового масла – ради арахисового масла Пакс выскочит из любого укрытия, примчится сломя голову. Несколько палочек волокнистого сыра из холодильника, два апельсина. Он налил в термос воды, отыскал в ящике коробок спичек, завернул в фольгу. Под раковиной его ждали две удачные находки: ролик изолянта и прочные мусорные мешки. Лучше бы брезент, но в крайнем случае и мешки сгодятся – и он застегнул молнию на рюкзаке.

Наконец он выдернул листок из блокнота под телефоном и написал: *Дорогой дедушка. Питер смотрел на эти слова с минуту, они выглядели как иностранные. Смял листок и начал заново. Решил выйти пораньше. Не хочу опаздывать в первый день в новой школе. До вечера.* Он опять долго разглядывал слова на бумаге, пытался понять, заметно, что их писал преступник, или не очень. Потом добавил ещё: *Спасибо за всё. Питер.* Отнёс записку на стол, поставил сверху солонку и тихо вышел.

На кирпичной дорожке перед домом он надел куртку, зашнуровал ботинки и оглянулся. Дом у него за спиной стал будто меньше, чем днём, когда они только приехали, – будто уже отодвинулся в прошлое. По ту сторону улицы вдоль горизонта бежали облака, из них внезапно вынырнул полумесяц, осветил дорогу.

Глава 3

Паксу было голодно и холодно, но разбудило его не это: он почувствовал, что ему требуется укрытие. Он моргнул и заворочался, отодвигаясь поглубже назад. Он думал, что у него за спиной надёжные прутья его загородки, но прутья вдруг изогнулись и ломко захрустели. Оглянувшись, он увидел сухие стебли молочая, под которые он втиснулся несколько часов назад.

Он полаял – позвал Питера, но тут же вспомнил: его мальчик уехал.

Пакс не привык быть один. Их было четверо в помёте, когда он родился, и вместе им было тепло, но потом исчез отец – ещё до того, как щенки узнали его запах, – а однажды утром, вскоре после отца, мать тоже не вернулась домой. Друг за дружкой умерли его братья и сестра, стало холодно, и в остывающем логове билось одно только его сердце, всё тише и тише – пока не появился мальчик, Питер, и не взял его на руки.

С тех пор, если его мальчик куда-то уходил, Пакс метался по своей загородке взад-вперёд до самого его возвращения. А вечером он всегда скулил и просился в дом, потому что там было слышно дыхание его людей.

Пакс любил своего мальчика; больше того, он чувствовал ответственность за Питера, знал, что он должен его защищать. Он страдал, когда не мог защищать Питера.

Пакс отряхнулся от капель ночного дождя и, даже не потянувшись и не размяв затёкшие мышцы, побежал к дороге. Он напряжённо искал запах мальчика.

Он не находил его – ночные ветры очистили землю от всех вчерашних следов. Но среди сотен новых запахов, поднятых лёгким утренним ветерком, Пакс поймал один, напавший на него о мальчике: жёлуди. Питер часто зачерпывал горсть желудей и высыпал их на спину Паксу – и смеялся, когда Пакс сначала стряхивал их с себя, а потом разгрызал, чтобы добраться до серединки. Знакомый запах манил, и лис свернул к нему.

Жёлуди были рассыпаны вокруг поваленного молнией дуба, лежавшего в пяти полных прыжках от того места, где лис в последний раз видел своего мальчика. Пакс прокусил несколько желудей, но внутри были только съёженные плесневелые струпья, присохшие к оболочкам. Тогда он устроился на стволе дуба и развернул уши к дороге.

В ожидании Пакс вылизал себя досуха и дочиста, жадно ловя оставшийся на шерсти запах Питера: это его успокаивало. Потом он занялся своими передними лапами, старательно прочистил каждую ранку, каждый порез на подушечках.

Когда Пакса что-то беспокоило, он всегда рыл землю в своей загородке и всегда ранил лапы о какие-то обломки бетона внизу – но всё равно рыл и рыл, ничего не мог с собой поделать. Всю последнюю неделю он рыл почти каждый день.

Дочистив лапы, он подвернул их под себя и стал ждать. Утренний воздух пульсировал шумами весны. Эти шумы тревожили Пакса всю долгую ночь. В черноте дрожали крадущиеся ночные шорохи, и даже звуки деревьев: раскрывающиеся листья, движение сока в молодых стволах, потрескивание нарастающей коры, – снова и снова настораживали его, пока он дожидался возвращения Питера. Только когда небо засеребрилось рассветом, лис провалился в зыбкий сон.

Но сейчас те же звуки опять звали его. Сто раз его чуткие уши вставали торчком, в другое время он подскочил бы и побежал проверять, что там. Но он всякий раз вспоминал своего мальчика и сдерживался. У людей хорошая память, они вернутся сюда, на это место. Но люди полагаются только на зрение – остальные чувства у них слишком слабые, – и, если они не увидят его, могут опять уехать. Пакс останется у дороги, он не поддастся никаким искушениям, не побежит на юг, туда, где его дом и куда зовёт инстинкт. Он будет сидеть здесь, пока его мальчик не придёт за ним.

В небе кружил стервятник, покачивался в восходящих потоках. Ленивый охотник, он высматривал падаль. Заметив лису, которая не пахла мертвечиной, но и не двигалась, стервятник плавными кругами стал снижаться, чтобы посмотреть ближе.

Когда над Паксом мелькнула равнодушная остроугольная тень, сработал инстинкт – тревога подкинула лиса с места. Он соскочил со ствола и принялся скрести землю когтями.

Земля откликнулась глухим рокотом, будто что-то рычало в самой её сердцевине. Пакс вытянул шею, забыв про опасность с неба. Когда он видел своего мальчика в последний раз, эта дорога тоже гудела и дрожала. Лис взлетел по насыпи и замер в том месте, где его люди оставили его.

Гул перерос в рёв. Пакс привстал на задних лапах, чтобы его было лучше видно. Но звук исходил не от автомобиля мальчика. Вообще не от автомобиля. Когда вдали появился источник звука, он показался лису величиной с дом, в котором живут его люди.

Это был грузовик зелёного цвета. Не живого зелёного, как деревья вокруг, а глухого оливкового – того цвета, какого была бы смерть, если бы она пришла за этими деревьями. Игрушечный солдат, припрятанный лисом под стеблями молочая, был тоже глухо-оливковый. От грузовика разило соляровым маслом и запахом палёного металла – тем же самым, которым была пропитана новая одежда отца мальчика. Пыля и разбрызгивая камни и гравий, грузовик прогромыхал мимо, за ним другой, и ещё, и ещё.

Пакс отскочил подальше от дороги. Стервятник взмыл вверх и, всего раз шевельнув крыльями, улетел прочь.

Глава 4

Уходя, он не отыскал фонарь – это была первая ошибка. Месяц освещал дорогу всего часа два, а потом снова утонул в облаках. Ещё час Питер, спотыкаясь, шёл в полной темноте, но наконец сдался. Один мусорный мешок он разрезал по бокам – получился длинный коврик, во втором сделал прорезь и надел на себя как пончо – от тумана и холодной росы. Он спал, привалившись к дренажной трубе, подложив под голову бейсбольную перчатку вместо подушки. Вообще-то «спал» – изрядное преувеличение: если ему и удалось ненадолго задремать, то его очень скоро разбудили холод, сырость и бьющий в глаза косой солнечный луч.

Его первые мысли были о Паксе: где он этим утром? Ему тоже холодно и сыро? Ему страшно?

– Я иду, – сказал он вслух, засовывая мусорные мешки в рюкзак. – Держись.

Он съел палочку волокнистого сыра и два крекера, запил водой из термоса, потом зашнуровал ботинки и выбрался на дорогу.

Всё болело, ныло, мышцы одеревенели, но хотя бы тревога на время улеглась. Скорее всего, он прошёл не больше семи-восьми миль, но впереди ещё был целый день – дед только вечером придёт с работы и заподозрит неладное.

Судя по той карте из атласа, до шоссе ещё миль двадцать, не больше. Там он срежет путь – повернёт на запад где-нибудь, где ему покажется удобнее. Сегодня он уже будет ночевать в лесу, вдали от цивилизации, – так что можно считать, что самая опасная часть путешествия осталась позади.

Жалко, что он так мало смотрел в окно, когда они с отцом ехали вчера на машине, – вторая ошибка. Теперь он мог только припомнить, что вскоре после того, как они свернули с шоссе, им встретился один-единственный сонный городок, дальше всю дорогу тянулись леса да изредка попадались фермы.

Питер шагал полных пять часов. На пятках горели мозоли, плечи болели от рюкзака. Но каждый шаг приближал его к Паксу и к дому, из которого он не должен был уезжать. И в нём росла надежда. Во всяком случае, она росла до полудня или чуть позже, пока он не дошёл до городка и до людного места с домами – наверное, это была городская площадь.

Тут ему стало казаться, что прохожие, все до единого, смотрят на него подозрительно и сейчас начнут спрашивать, почему он не в школе – эту школу он видел у дороги совсем недавно. Когда женщина, тянувшая за руку малыша, остановилась и откровенно уставилась на Питера, он притворился, что разглядывает что-то в витрине хозяйственного супермаркета.

Но тут он поймал в стекле свое отражение, и остатки надежды улетучились. В волосах труха, куртка в грязи, нос уже сейчас покраснел от солнца, а к концу дня пойдёт волдырями. Отражение смахивало на беглеца, и этот беглец не очень хорошо подготовился к побегу.

– Что ищем, юноша?

Питер обернулся. В дверях стоял человек в синей куртке с эмблемой супермаркета и курил. Он был седоват и лысоват, скрещённые руки опирались на круглый живот, но то, как он зыркал сверху вниз, вдоль носа, напоминало ястреба, высматривающего добычу, – Питер как раз недавно видел одного такого на верхушке кедра.

Питер оглянулся на витрину – семена в пакетиках, садовые инструменты.

– Я просто... Ах да: фонарики у вас есть?

Человек вскинул голову, сделал затяжку, опять зыркнул – и опять напомнил Питеру ястреба. Наконец он кивнул.

– Седьмой ряд. А что это мы не в школе?

– Большая перемена. Сейчас побегу назад.

Человек затушил сигарету и вошёл вслед за Питером в магазин. Пока Питер выбирал на полке самый дешёвый фонарик и батарейки, он смотрел, не отставал ни на шаг и, когда Питер расплачивался на кассе – стоял рядом.

На улице Питер выдохнул – оказывается, всё это время он задерживал дыхание. Он сунул покупки в рюкзак и пошёл дальше в сторону шоссе.

– Эй, парень.

Питер застыл.

Человек в синей куртке догнал его.

– Вон твоя школа. – Он дёрнул Питера за плечо, развернув его в другую сторону.

Питер помахал ему рукой, улыбнулся как можно глупее и поменял направление. На углу он рискнул покоситься через плечо. Человек следил.

Припустив вперёд, Питер почувствовал холодок между лопатками – за шиворот сбегала тонкая струйка пота. Уже у самых дверей школы он перешёл на шаг и свернул в сторону парковки.

Он хотел просто пересидеть там несколько минут в тени школьного автобуса и заодно подумать, как бы отсюда незаметнее выбраться. Но за парковкой, за какими-то хозяйственными строениями, в низинке он вдруг заметил кое-что, что показалось ему гораздо интереснее любых парковок.

На нежно-зелёной весенней траве – чёткая, будто впечатанная в зелень разметка бейсбольного поля. И под навесом, вдоль линии третьей базы³, спиной к школе, – дагаут⁴. Совершенно пустой.

Питер остановился, разглядывая открывшийся ему вид. Он взвешивал «за» и «против» не больше минуты. Конечно, надо двигаться вперёд, надо спешить. Но что, если синекурточник уже настучал в полицию? Тогда соваться сейчас на дорогу рискованно. Лучше он немного отдохнёт днём, а ночью легко всё наверстает, у него ведь теперь есть фонарик. К тому же он вдруг почувствовал, как сильно он устал. Выдохся. Выбился из сил.

Но главное – бейсбольное поле смотрело на него так гостеприимно, будто приглашало. На поле Питер всегда чувствовал себя отлично. А может, это был знак. Питер считал, что он не верит ни в какие знаки, но после вчерашних койотов он уже не был так в этом уверен. Он поправил рюкзак и сбежал вниз по склону.

³ Базы (первая, вторая, третья) – расположенные по углам внутреннего «квадрата» точки бейсбольного поля, которых последовательно должен коснуться игрок, чтобы заработать очко.

⁴ Дагаут – скамья под навесом, где хранится бейсбольный инвентарь и где во время игры находятся запасные игроки и все члены команды, в данный момент не принимающие участие в игре.

Под навесом знакомые перемешанные запахи кожи, пота и жёванной жвачки приняли его в объятия как родного. Питер для начала переоделся в сменную одежду из рюкзака, набрал горсть красной глины, размазал по волосам – если у полиции уже есть его описание, он не собирается этому описанию соответствовать. Он наполнил термос водой из питьевого фонтанчика, выпил, снова наполнил. Залезая под скамью, он улыбнулся: Пакс, если бы ему понадобилась передышка, заполз бы сюда же – и укрытие, и хороший обзор.

Час, не больше, а потом он обогнёт школу с тыла – и выйдет на дорогу с другой стороны. К тому времени полицейские, если они его вдруг ищут, уже потеряют к нему интерес. Он подложил под щёку бейсбольную перчатку.

– Всего один час, – пробормотал он. – Я даже не буду закрывать глаза.

Глава 5

Это моя территория.

От неожиданности Пакс чуть не свалился со ствола поваленного дуба, на котором он дежурил и уже почти дремал: за весь день – ни одного существа крупнее кузнечика, а тут вдруг, откуда ни возьмись, ярко-рыжая лисица. Пакс никогда раньше не видел других лисиц, но он знал, что это лисица – только помоложе и помельче его, самка. Она держала уши и хвост торчком – инстинкт подсказал ему, что это значит: она ждёт от него покорности.

Я здесь охочусь.

Пакса охватило сильное желание броситься к своей временной лёжке и забиться в оставшиеся стебли молочая, но он сдержался: что, если его мальчик вернётся, а его нет? Он прижал уши к голове, показывая, что он никому не угрожает, но он не уйдёт. Лиса подбежала ближе, и он вдохнул в себя её запах – знакомый, почти как его собственный, но другой, диковинный. Она тоже принюхалась и недоверчиво ощетинулась, уловив запах человека; шерсть у неё на загривке встала иглами.

Пакс тоже родился с этим инстинктом недоверия, но что такое недоверие против доброты, особенно если её являют тебе щедро и постоянно? И особенно если ты только что пришёл в этот мир. Паксу было всего шестнадцать дней, когда Питер спас его – угольно-бурый меховой завиток, потерявший отца, потерявший мать, только-только разлепивший глаза. И он очень скоро научился доверять тихому, нескладному, длинноногую мальчику, который принёс его домой.

Лиса приблизила свою остроносую морду, ещё раз внимательно внюхалась и снова ощетинулась, остевые волоски блестели на солнце, как иглы.

Это запах моего мальчика. Ты его видела? Пакс сообщил ей самые важные приметы своего человека: голые круглые уши; ноги, которые растут вверх – так ненормально высоко, что, когда мальчик бежит, Пакс всегда боится, как бы он не опрокинулся; чёрные закручивающиеся волосы, которые отрастают до какой-то длины, а потом опять становятся короткими.

Здесь нет людей. Но они приближаются. В этот момент Игла вскинула голову, будто её дёрнули за невидимую нить. Её уши повернулись на лёгкий шорох, который доносился от ближнего кустика бородача. Задняя часть её тела мелко задрожала, набирая энергию. Лиса высоко подпрыгнула и, вытянув лапы вдоль чёрного носа, нырнула в траву – сверкнул белый кончик хвоста.

Пакс сел и подобрался. Спустя секунду Игла появилась с древесной крысой в зубах. Выпрыгнув из травы, лиса перекусила шею своей добычи и уложила на землю.

Пакс осиротел, когда он ещё питался материнским молоком, и ни разу в жизни не пробовал свежую добычу. Запах крови подстегнул его голод и любопытство. Он сделал осторожный шаг вперёд, но Игла зарычала. Тогда он отодвинулся и дальше наблюдал с безопасного расстояния.

Пока лиса с хрустом отгрызала кусочки крысиной плоти, его голод ещё усилился. Пакс вспоминал, как он подбегал к своей миске с кормом, наполненной до краев, как радовался, когда Питер давал ему лакомства с рук – особенно самое главное лакомство: арахисовое масло. Он найдёт своего мальчика. Мальчик накормит его.

Пакс хотел спросить лису о людях, которые приближаются, но не успел: Игла уже подхватила зубами остатки добычи – заднюю ногу вместе с длинным крысиным хвостом – и, плавно огибая травяные кочки и постепенно превращаясь в мелькание огненно-рыжего и белого, побежала прочь. Прочь. Пакс вспомнил, как, рыча и разбрызгивая колючие камешки из-под колёс, уезжал автомобиль с его людьми.

На опушке леса лиса замедлила бег и, прежде чем скрыться под густой папоротниковой бахромой, ещё раз оглянулась через плечо на Пакса. Внезапно в верхушке поваленного дуба что-то треснуло, и лиса замерла. Прошумев сухой листвой, сверху вниз дугой пронеслась ярко-рыжая меховая полоска и приземлилась прямо Игле на спину.

Пакс припал к земле. Послышались звуки борьбы и тявканье лисы, но скорее раздражённое, чем тревожное. Он приподнял голову. Игла уже была наверху – она прижала меховой комок когтями к земле и цапнула его зубами. К удивлению Пакса, комок под её лапой развернулся, вытянулся и оказался существом, очень похожим на Иглу, только помельче и потощее. Пакс был озадачен. Он и не догадывался, что лисы способны парить, как птицы, сам он никогда не смог бы описать такую длинную плавную дугу.

Существо перекатилось на спину, покорно подставляя беззащитное брюхо, но Иглу это как будто разгневало ещё больше – её сердитый лай перемежался теперь шлепками и покусыванием. Пакса разбирало любопытство, и он переместился поближе.

Только сейчас чужой человеческий запах долетел до тощего маленького лиса, и он выглянул из-за плеча Иглы. При виде Пакса его глаза расширились, он вскочил на ноги. *Дружелюбен*, сообщил он Паксу. *Её брат, из другого помёта. Играть!*

Игла оскалила клыки и рыкнула на брата.

Опасен. Не приближайся.

Пакс ответил на приветствие, не обращая внимания на угрожающую стойку Иглы.

Дружелюбен. Ты ЛЕТАЛ! ПТИЦА?

Мелкий лис отскочил обратно к поваленному дубу и запрыгнул на ствол. Одна из ветвей мёртвого дерева уходила круто вверх. Мелкий легко взбежал по ней и обернулся, чтобы убедиться, что Пакс смотрит.

Пакс едва сдерживал себя, чтобы не устремиться вслед за маленьким лисом, ему тоже хотелось наверх, но он лёг и поджал под себя передние лапы. Он, конечно, перебирался иногда через стенки своей загородки, но там было невысоко. Кончик его хвоста подрагивал.

Лиса отошла в сторону, опустила на землю и перекатилась на бок, чтобы удобнее было наблюдать за братом. Теперь стало очевидно, что она смотрит на него с любовью. *Он родился мелким. Маленький, но крепкий. Он мне не нужен, когда я охочусь. Но он приходит.* Она подняла голову и зарычала на Пакса, будто виня его в том, что её брат так разыгрался.

Мелкий взобрался по ветке, отставляя хвост для равновесия, потом изготовился – и взмыл над головами двух лис, следивших с земли. Он приземлился в придорожные заросли лопуха, тут же выскочил из них весь в репьях и принялся носиться бешеными кругами – казалось, радость от полёта переполнила его и не помещалась внутри, приходилось сбрасывать её через ноги. Завершив последний круг, он ещё покатался по земле, чтобы сбросить оставшуюся.

Слишком близко к дороге! Сестра зацепила его когтем и притянула к себе. Выдёргивая репьи из его шерсти, она бранила брата за опасные полёты. Зато Пакс никак не мог успокоиться: оказывается, лис способен пролететь пять полных прыжков, не касаясь земли! Когда-нибудь он тоже попробует проделать такой трюк.

Как только Мелкому удалось вывернуться из сестриных когтей, он пригнул голову и ткнулся носом в её шею. Игла опять его повалила, хотя было видно, что её гнев притворный, и ещё села сверху, распластав его по земле. Он немного поборолся для вида, но явно старался её не сердить и почти не сопротивлялся, когда она начала его вылизывать.

Пакс держался на почтительном расстоянии. Добившись наконец от брата покорности, Игла сменила гнев на милость и положила перед Мелким остатки недоеденной крысы, сама же легла на землю и принялась сначала вылизывать лапы, а потом умываться этими лапами. Пакс на брюхе подполз ближе. Его влекло к этим двоим, брату и сестре, – неважно, рады они ему или нет.

Игла вытянулась в лучах косого солнца. Её влажные щёки блестели, как деревянный стол тыквенного цвета, за которым всегда ели свою пищу люди Пакса, а белый лоснящийся воротник ещё больше подчёркивал яркую рыжину.

Пакс оглянулся на Мелкого: тот как раз обнюхивал его лёжку в стеблях молочая. Пятна у брата на шубе были такой же формы, как и у сестры, но не так чётко очерченные. И мех у него был редковат и местами клочковат, и тазовые кости торчали под острыми углами. Он вдруг попятился и тут же бросился вперёд, будто в атаку.

Пакс смотрел, как он подбрасывает игрушечного солдатика в воздух, а потом прижимает его лапой к земле, снова и снова. Когда Пакс был щенком, он делал точно так же. И сейчас, понаблюдав совсем немного, он подбежал и вступил в игру. Мелкий принял его так радостно, будто они играли вместе с самого рождения.

Игла тоже вскочила на ноги. *Неси мне.*

Некоторое время брат притворялся, что не слышал, но он, видимо, точно знал, до какого момента можно испытывать сестрино терпение, потому что вскоре он подскочил к лисе и положил перед ней игрушку.

При виде солдатика Игла издала горловое ворчание. Человек.

Брось это. Домой, быстро, приказала она брату.

Мелкий, играя, обхватил передними лапами лапы Пакса.

Тотчас подскочила Игла и укусила Мелкого. *Воняет людьми. Помни.*

И она передала брату образ, который показался Паксу странным, пугающим: завывание холодного ветра; пара лисиц, самец и самка, пытаются вырваться из стальной клетки, клетка похожа на загородку Пакса, только вместо прутьев – зубастые зажимы. Стальные зубы зажимов и снег на земле – в крови.

Игла вскинула голову, вглядываясь в небо, и понюхала ветер, прилетевший с юга и пропитанный запахом близкой грозы. *Домой.*

Покорно опустив хвост, Мелкий двинулся за сестрой. Но, пройдя немного, он обернулся к Паксу и позвал его за собой.

Пакс колебался. Он не хотел уходить с этого места, куда должны вернуться его люди. Но уже приползли тёмные тучи, и вдали только что прогремел гром. Пакс знал, что в грозу его мальчик не выйдет из дому. Если Пакс останется, его будет хлестать дождь. И он будет сидеть у дороги, мокрый насквозь. Один.

Он взял игрушечного солдатика в зубы и потрусил за братом и сестрой.

Почувяв его присутствие, Игла обернулась. *Только одну ночь, Воняющий Людьми.*

Пакс согласился. Когда гроза кончится, он вернётся сюда, отыщет дорогу по запаху. И тогда его люди придут за ним. И он найдёт своего мальчика, и они уже никогда не расстанутся.

Глава 6

Питер узнал эти звуки ещё до того, как полностью проснулся: толпа мальчишек, которых только что отпустили, их топот, их гиканье, нетерпеливое туканье их кулаков о кожаные перчатки. Он выбрался из-под скамьи и схватил рюкзак. Слишком поздно: двадцать бейсболистов вместе с тренером уже сбегает вниз по склону. Наверху, на парковке, стоят несколько взрослых, некоторые из них в форме, – наблюдают. Самое лучшее, что он мог сейчас сделать, – забраться на трибуну, где с десятка зрителей уже расселись по двое – по трое, а когда всё закончится, смешаться с толпой и уйти вместе со всеми.

Питер забрался на последний ряд и скинул рюкзак. Подросток пришёл смотреть тренировку по бейсболу – это абсолютно нормально, нормальной не бывает, но сердце всё равно стучало странно, будто пробуксовывало.

Внизу тренер уже подавал мячи, один за другим. Всё как на любой тренировке: мальчишки бегают по полю, красуются друг перед другом и орут как резаные. Питер выбрал одного, за которым ему хотелось понаблюдать: худенький парнишка с соломенным «ёжиком», в красной линиялой футболке, шортстоп⁵. Пока остальные игроки бестолково, по-щенячьи, носились туда-сюда, этот стоял как статуя, руки наготове на уровне пояса, взгляд прикован к бите тре-

⁵ Шортстоп – игрок, защищающий часть бейсбольного поля между второй и третьей базами.

нера. Как только бита ударяла по мячу – дерево по коже, – он прыгал. И каким-то немислимым образом доставал все мячи, прилетающие в его часть поля, хотя с виду – то ли недоросток, то ли чей-то младший брат, которого старшему приходится таскать за собой.

Питер знал, что он и сам не слишком типичный бейсболист: он всегда чувствовал себя чужим в дагауте, где все хлопают друг друга по плечу и треплются о всякой ерунде. Зато на бейсбольном поле он был на своем месте – будто для того и родился. На поле у него возникало такое чувство – он даже не пытался его никому описывать: и потому, что оно слишком личное, и потому, что всё равно не подобрал бы нужные слова. Разве что – «небесно». Да, это слово было ближе всего. И ещё где-то рядом – «спокойно». И шортстопу тоже знакомо это небесное спокойствие, ни с того ни с сего подумал вдруг Питер, – может, он даже ощущает его прямо сейчас, вот в эту самую минуту.

Тренер, стоя на горке⁶, подавал, бэттеры⁷ отбивали мячи то в воздух, то в землю, и аутфилдеры⁸ тоже наконец проснулись – ну или, во всяком случае, делали вид. Но шортстоп по-прежнему притягивал внимание: он весь был будто простёган живой проволокой, взгляд прикован к мячу.

Питеру была знакома эта сосредоточенность, у него самого, бывало, пересыхали глаза: он даже забывал моргать, так напряжённо следил за каждым движением каждого игрока – и это себя оправдывало. На бейсбольном поле Питер, как и этот парнишка в красной футболке, *владел* своей территорией. Он любил эту территорию всю целиком, вместе с запахом пыли и стриженной травы. Но больше всего он любил забор по краю этой территории. Забор указывал Питеру абсолютно точно, что входит в его ответственность, а что нет. Если мяч по эту сторону забора – значит, надо ловить. Перелетел на ту – всё, можно больше о нём не думать. Чётко и ясно.

Питер часто жалел, что в жизни его ответственность не обнесена такими же красивыми высокими заборами, как на бейсбольном поле.

Когда мама умерла, он какое-то время ходил к психотерапевту. Ему было семь лет, и он не хотел ни с кем разговаривать, а может, просто не знал, как втиснуть такую утрату в слова.

Психотерапевт – женщина с добрыми глазами и длинной серебряной косой – говорила ему, что это ничего, это ничего, ничего. Целый час, от начала до конца занятия, Питер вытаскивал из ящика с игрушками маленькие автомобильчики и грузовики – их там были, кажется, сотни (наверное, думал потом Питер, психотерапевт скупил ради него целый магазин игрушек) – и сталкивал их между собой, пара за парой. Когда Питер заканчивал, она всегда говорила ему одно и то же: «Должно быть, тяжело тебе пришлось. Самый обычный день, мама садится в машину, чтобы съездить в магазин за продуктами, – и не возвращается».

Питер никогда не отвечал, но ему запомнилось ощущение, что всё происходит правильно – и эти слова, и весь этот час – будто он наконец там, где должен быть, и будто это ровно то, что он должен делать – сталкивать между собой игрушечные машинки и слушать слова о том, что ему пришлось тяжело.

Но однажды психотерапевт произнесла другие слова.

– Питер, – сказала она, – ты иногда злишься?

– Нет, – быстро ответил он. – Никогда.

Ложь. Потом он поднялся с пола, взял единственный леденец в яблочно-зелёной обёртке из медной вазочки у двери – у них был уговор с психотерапевтом с добрыми глазами: если он чувствует, что ему хватит, он забирает леденец, и это конец занятия – и ушёл. Но на улице он

⁶ Питчерская горка – возвышение, на котором находится питчер, то есть подающий.

⁷ Бэттер – игрок нападения, который стоит у «дома» с битой и старается отбить поданный питчером мяч.

⁸ Аутфилдер – игрок, обороняющий внешнее поле бейсбольной площадки.

бросил леденец на землю и ещё пнул ногой, а по дороге домой сказал отцу, что больше к ней не пойдёт. Отец не спорил. По правде говоря, ему так было легче.

А Питеру нет. Эта добрая женщина – она что, с самого начала знала, что Питер злился в тот последний день, что он сделал ужасное? И что его мама в наказание не взяла его тогда с собой в магазин? И психотерапевт думает, что это он виноват в том, что случилось?

Спустя несколько месяцев Питер нашёл Пакса. На дороге недалеко от его дома задавили лису – она лежала у обочины. Его маму недавно похоронили, опустили гроб в землю, и теперь Питер почувствовал властную, непреодолимую потребность похоронить лису. Он зашёл в лес, чтобы найти подходящее место, начал копать – и нашёл логово, в котором лежали три остывших одеревенелых тельца и один тёмно-серый меховой шарик – ещё тёплый, дышащий. Питер сунул Пакса в карман курточки, и принёс домой, и сказал – не спросил, сказал: «Он будет жить у меня».

Отец ответил: «Ладно, пускай немного побудет».

Всю ночь лисёнок жалобно мяукал, и, слушая его, Питер думал о том, что, если бы он мог снова ходить к психотерапевту с добрыми глазами, он бы сталкивал эти игрушечные машинки с утра до вечера и с вечера до утра, всегда, всё время. Не потому, что он злится. А просто чтобы все видели.

При мысли о Паксе знакомая змея тревоги подползла, сдавила грудь. Пора было двигаться, навёрстывать упущенное время. Тренировка заканчивалась, бейсболисты убегали с поля, по дороге забрасывая инвентарь в дагаут. Когда поле опустело, Питер спустился с трибуны, вздёрнул рюкзак на плечи и тут заметил шортстопа.

Питер колебался. Лучше бы, конечно, не задерживаться, выйти с территории школы вместе с остальными. Но остальные слиняли, а этот парень должен теперь подбирать разбросанный инвентарь, а потом возвращаться один – Питер знал, каково это. Он поднял пару мячей и передал их шортстопу.

– Привет.

Парень неуверенно улыбнулся и забрал мячи.

– Привет.

– Неплохо играл. Последний лайнер⁹ был нехилый, скажи?

Шортстоп молча повозил кроссовкой по пыли и отвернулся, но Питер видел, что ему приятно.

– Ну, первый бейсмен¹⁰ с ним как-то справился.

– Ну да, после того как *ты* вытащил мяч. Не хочу никого обидеть, но без тебя ваш первый бейсмен и глаза бы не успел вытарашить.

Шортстоп наконец улыбнулся по-настоящему.

– Ага. Но он племянш тренера. Играешь?

Питер кивнул.

– Центр-филдер¹¹.

– Новенький?

– Да нет, я не отсюда, я из... – Питер неопределённо махнул рукой куда-то на юг.

– Хэмптона?

– Из Хэмптона, ага.

Лицо шортстопа захлопнулось.

– Шпионишь перед субботней игрой? Ну и гад. – Он сплюнул и направился к дагауту.

⁹ Лайнер – мяч, отбитый бэттером с силой и летящий почти по прямой.

¹⁰ Бейсмен – игрок внутреннего поля (инфилда), защитник базы. Первый, второй и третий бейсмены защищают, соответственно, первую, вторую и третью базы.

¹¹ Филдер – полевой игрок защищающейся команды. Центр-филдер играет в аутфилде (то есть во внешнем поле) и обгоняет центр поля.

Покидая школьную территорию, Питер похвалил себя за сообразительность – вот и хорошо, ловко замёл следы. Но чувствовал он себя всё равно неважно. Даже гадостно.

Он постарался стряхнуть с себя это гадостное чувство. Что там отец говорил про чувства? Что на них можно купить чашку кофе за полмонеты, если добавить полмонеты? Питер посмотрел на часы. Четыре пятнадцать. Больше трёх часов потеряно.

Питер ускорился, но перед площадью перешёл на противоположную от супермаркета сторону и заставил себя шагать не спеша – мимо библиотеки, остановки, кафе. И только отсчитав тысячу шагов, рискнул поднять голову.

Он снова посмотрел на часы. Четыре пятьдесят. Дед, наверное, уже заканчивает, что он там делает у себя на работе. Питер представил, как его дед подходит к своему проржавелому синему «шевроле», вставляет ключ в замок зажигания...

От этого образа змея-тревога развернулась так резко, что у Питера вышибло дыхание. Он перемахнул деревянную оградку и полез напрямик через кусты. Только футов через тридцать, где уже росли молодые деревца и можно было за ними укрыться, тревога отпустила – по крайней мере он опять мог нормально дышать. Дальше он двигался параллельно дороге. Идти теперь было труднее, но через пятнадцать минут он всё же дошёл: вот оно, шоссе.

Он присел на корточки у въезда на шоссе и стал наблюдать. Дождавшись, когда схлынет поток машин, Питер перебежал по широкой дренажной трубе под дорожным полотном на ту сторону и перемахнул забор из металлической сетки. Сердце колотилось.

Он, пригибаясь, добежал до деревьев и стал искать удобное место, где можно срезать путь. Спустя несколько минут ему встретилась старая грунтовая дорога, отходящая под прямым углом от шоссе. По правде говоря, дорога была так себе, по ней и на машине-то не проедешь, разве что на телеге, – но она вела куда надо, на запад, и к тому же ночью по дороге будет легче шагать. И Питер свернул на неё.

Пока он шёл, лес становился гуще, тишину нарушали только птичьи голоса да беличьи шорохи. Может, цивилизация уже наконец осталась позади? Питер взбодрился, зашагал быстрее.

Но спустя несколько минут дорога вдруг свернула вбок и побежала по краю заброшенного пастбища, на котором кое-где росли одичалые фруктовые деревья с редкими цветками. А по другую сторону от дороги тянулась невысокая каменная ограда, за ней поле, сад и чьи-то угодья; за оградой, ближе к дальнему её концу, стоял приземистый сарай. Света в сарае не было, машины рядом тоже, но всё равно сердце у Питера упало. Сарай был свежеекрашенный, кровельная дранка кое-где розовела новой древесиной. Значит, это просто дорога к чьему-то дому, только и всего. А может, ещё хуже: может, она ведёт к другой дороге, широкой и наезженной, а на атласе её нет просто потому, что сам атлас давно устарел. Короче, по этой дороге не пройдёшь напрямик через горы.

Измученный и голодный, Питер сбросил рюкзак и опустился на землю, привалившись спиной к уступу в каменной стене. Он стащил ботинки, откатил носки и оглядел вздувшиеся мозоли на пятках. Скоро они лопнут – вот тогда будет жуть. Питер откопал на дне рюкзака вторую пару носков и натянул поверх первой. Камни под его спиной за день нагрелись на солнце и продолжали отдавать тепло, хотя солнце уже висело над самыми верхушками деревьев, заливая выпас нежно-персиковым сиянием.

Питер вытащил пакетик изюма и стал есть по одной изюмине, запивая маленькими глотками воды. Потом вскрыл две палочки сыра и достал четыре крекера из пачки. Он ел, стараясь жевать как можно дольше, и одновременно следил за солнцем: оказывается, можно пронаблюдать от начала до конца, как оно опускается! Как же он умудрился прожить на свете двенадцать лет и не отсмотреть ни одного заката?

Питер зашнуровал ботинки. Он уже вставал с земли, когда увидел оленя, который выбежал из леса и скакнул через ограду на поле. Питер задержал дыхание. Олени выскакивали один

за другим – всего он насчитал четырнадцать, – бродили по полю, одни щипали траву, другие деликатно обкусывали нижние ветки цветущих фруктовых деревьев.

Он опять присел на корточки, и тогда пасшаяся по ту сторону стены олениха, к которой жался пятнистый тонконогий оленёнок, повернула голову и посмотрела прямо на Питера. Он медленно поднял руку с раскрытой ладонью, чтобы она увидела: он не сделает ей ничего плохого. Олениха забеспокоилась, заслонила собой оленёнка, но, чуть постояв, снова потянулась к траве.

А потом в ясном сумеречном воздухе где-то за сараем взвизгнула пила, вгрызаясь в древесину. Все олени одновременно вздрогнули и, сверкнув белыми хвостами, унеслись в темнеющий лес. Перед тем как прыгнуть через ограду, олениха послала Питеру ещё один, последний, взгляд, будто говоря: *Вы, люди. Губите всё.*

Питер зашагал дальше. Сзади, на шоссе, у половины машин уже горели фары, и ему казалось, что все они нацелены прямо на него. Он сошёл с дороги в лес.

Земля здесь была губчатая и пахла торфом. Питер как раз обдумывал вопрос о том, не рискнуть ли ему включить фонарик, когда его нога, чавкнув, ушла под воду. Он ухватился за нависающую ветку и выбрался, но было поздно – оба ботинка уже наполнились холодной болотной водой. Питер пробормотал ругательство. Он взял с собой недостаточно сменных носков – тоже ошибка. Хорошо бы она оказалась последней.

Но в этот момент он совершил ещё одну ошибку, гораздо худшую.

Он попытался выбраться в темноте на более высокое место, зацепился правой ногой за корень и упал. Треснула кость – внутри ботинка что-то глухо щёлкнуло, – и тут же ногу пронзила острая боль. Он сидел задыхаясь, оглушённый этой болью, сидел долго. Наконец он подтянул ногу к себе и, содрогаясь от каждого движения, расшнуровал ботинок. Он приспустил мокрые носки – от увиденного опять перешибло дыхание: правая нога раздулась и увеличивалась на глазах.

Натягивая спущенные носки, он чуть не вскрикнул от боли; потом, сцепив зубы, затолкал ногу обратно в ботинок, пока она ещё больше не распухла. Подполз к дереву и поднялся, цепляясь за ствол. Он попытался ступить на правую ногу, снова чуть не рухнул. Ни разу в жизни он не испытывал ничего похожего на эту боль, – тот сломанный большой палец в сравнении с ней казался комариным укусом.

Он не мог идти.

Глава 7

Пакс изогнулся от удовольствия, ощутив тёплый вес привалившегося к нему другого упругого тела. Проснувшись пока только наполовину, он потянул носом, чтобы вдохнуть утешительный запах своего мальчика. Но запах оказался не человеческим, а лисьим.

И тогда он проснулся полностью. Прислонившись к нему, рядом похрапывал Мелкий – брат Иглы. Во сне он тихо поскуливал и обмахивал нос кончиком пушистого хвоста.

Пакс напрягся, подобрался. У него не было опыта доминирования, но что ему оставалось делать? *Возвращайся в свою нору.* Когда Мелкий попытался снова угнездиться у него на груди, Пакс цапнул его за плечо.

Мелкий дёрнулся и, просыпаясь, перекатился на ноги. Но не стал наклонять голову в знак покорности и не ушёл. Вместо этого он сделал стойку, которая приглашала: *играть*.

При других обстоятельствах Пакс был бы рад компании дружелюбного маленького лиса. Но сейчас у него не было желания снова выяснять отношения с Иглой – на самом деле у него сейчас не было никаких желаний, кроме одного: вернуться к своим людям.

Пакс взял пластмассового солдатику из тайника и положил перед Мелким – бери, можно. И снова велел ему уйти. Наконец, не получив ответа на свои умоляющие взгляды, Мелкий прихватил игрушку зубами и пополз к выходу. Пакс выбрался за ним и следил, пока маленький лис не скрылся в норе на расстоянии нескольких хвостов.

Когда ударила гроза – короткая, но злая, – когда небо потрескалось и раскололось на куски, Пакс втиснулся через тесный вход в заброшенную нору неподалёку от нор Иглы и её брата, не успев толком изучить окружение. Сейчас, в бледном свете месяца, он огляделся внимательнее.

Склон холма обращён к югу. Корни деревьев, крепко вцепившиеся в песчаную почву, растопырены, как узловатые коричневые пальцы. Между пальцами, так, что не сразу разглядишь, – три тёмных отверстия, три норы.

Выше по склону лес, он тянется к северу и к западу – к дороге. Ниже раскинулся широкий покаты́й луг, и за ним – долина.

Место выбрано идеально: на склоне негде спрятаться крупному хищнику, а деревья защищают лисиц от северных ветров. С луга в изобилии доносятся запахи жизни.

Теперь, когда Пакс смог всё это оценить, напряжение внутри него ослабло – почти как когда-то в щенячестве, когда он три раза подряд толкал свою миску в самый дальний угол комнаты – и его мальчик наконец понял, что нужно оставить её там. Подальше от холодной северной стены и с видом на дверь, из которой появлялся отец мальчика, иногда злой. *В безопасности.*

Правда, здесь Пакс не был в безопасности. Игла предупредила его, что внизу на лугу живёт старый лис со своей самкой. Его уже давно донимает чужак, желающий занять его место, и он не потерпит на своей территории ещё одного самца-одиночку.

Тут Пакс уловил движение: из кустов, растущих посреди луга, с видом хозяина появился крупный плечистый лис. Он пометил молодое деревце, сел и принялся умываться, но неожиданно замер – лапа возле уха – и повернул нос по ветру. Пакс тотчас заторопился в противоположную сторону, вверх по склону, и вскоре нырнул в подлесок.

Ночью лил дождь, но Пакс легко отыскал свой собственный запах. Он лишь несколько раз замедлял бег, чтобы слизнуть с листьев капли воды, и вскоре добежал до места.

Над дорогой ещё висел тяжёлый дух прогромыхавшего накануне каравана военных машин, но больше здесь никто не проезжал. Лис снова устроился на стволе упавшего дуба и стал ждать.

Утро принесло гул мошкеры и щебет просыпающихся птиц; с дороги не долетало никаких звуков. Поднялось сухое горячее солнце и испарило дождевые капли, свисавшие с каждой зелёной травинки.

Пакса беспокоил голод, но жажда была сильнее – он не пил с того времени, как покинул дом своих людей. У него пересохло горло, распух язык. Когда он менял положение тела, в голове всё кружилось. Сто раз струился мимо него тонкий запах воды – он звал лиса, но Пакс не собирался уходить со своего поста. Его люди вернутся за ним сюда. Он вонзал когти в дубовую кору и напряжённо ждал рычания мотора. Дорога молчала. Прошёл час, другой. Пакс дремал, просыпался, вспоминал, дремал, просыпался, вспоминал. Потом ветер донёс до него что-то новое, и оно приближалось.

Лис. Тот самый самец, которого Пакс уже видел раньше, о котором предупреждала Игла. Поступь твёрдая, размеренная – ни одного лишнего движения. Свисающие складки на серебристо-серой шубе говорили о том, что лис стар. А когда он подошёл, Пакс увидел, что и его глаза сероваты и мутноваты от старости.

Дав себя понюхать, Серый улёгся на траве у ствола упавшего дерева. Лежал спокойно, ни разу не привстал – значит, не угрожал. *Ты пахнешь людьми. Я жил с ними раньше. Они приближаются.*

Внезапная надежда вернула силы Пакса. *Ты видел моего мальчика?* Он описал Питера.

Но Серый не видел никаких людей с тех времён, когда он жил с ними в юности. И это было в другом краю – где сухая, каменистая земля, долгие зимы и низкое солнце. Далеко отсюда. *Люди, которые приближаются, идут с запада. Они несут войну. Так говорят вороны. Они видели людей. Мальчика с людьми не было.*

От этой вести силы снова ушли. Пакс покачнулся и чуть не свалился со ствола, на котором лежал.

Тебе нужна вода. Следуй за мной.

Пакс колебался. В любой момент могут вернуться его люди.

Но вода нужна ему срочно, сейчас. *Это близко? Я услышу оттуда дорогу?*

Да. Ручей протекает под дорогой. За мной.

Серый держался уверенно, но не угрожал, и Пакс успокоился. Он сполз со ствола и последовал за старым лисом.

Вскоре они дошли до глубокого разреза в земле, из которого поднимались запахи воды и всего, что растёт и живёт в топкой грязи у воды. Пакс заглянул вниз и увидел серебряный ручей с чёрными камнями, который сверкал сквозь заросли зелёного тростника и ветви деревьев, цветущих розовым. Серый стал спускаться осторожно, зигзагами. Пакс, влекомый запахом воды, побежал напрямик, быстро обогнал старого лиса, но потом заскользил и так и доехал до самого низа.

Внизу он отряхнулся – и застыл в изумлении. Вода, мчавшаяся мимо него, текла из огромной трубы, намного огромнее той, из которой льётся вода в большую белую ванну, где купается его мальчик. Пакс наклонился к воде. Она была холодная, со вкусом меди, сосны и мха, и сама рвалась к нему в рот, как живая. Она жалила его зубы, заливала язык и горло. Он пил и пил и не мог оторваться, пока брюхо не раздулось.

Серый тоже спустился, попил, потом предложил Паксу отдохнуть вместе с ним.

Пакс поднял голову, напряжённо вслушиваясь. Дорога над трубой, сквозь которую текла вода, молчала. *Я должен быть у дороги, когда мои люди вернутся за мной.*

Серый лёг на землю и вытянулся.

Вчера больные войной перекрыли дорогу.

Пакс вспомнил караван из грузовиков, которые пахли так же, как новая одежда отца мальчика. После этих грузовиков по дороге больше никто не проезжал, это так. Но это неважно. *Мой мальчик вернётся за мной. Он будет искать меня на дороге.*

Нет. Дорога закрыта. Вороны сказали так.

Пакс молчал, перескакивал с камня на камень, молотил хвостом, бился над своей задачей. Наконец ответ пришёл: *Я сам пойду к моему мальчику. К нам домой.*

Где твой дом?

Пакс покрутился на месте, чтобы не оставалось сомнений, хотя сомнений и так не было: он чувствовал притяжение дома только с одной стороны. *На юге.*

Серый не удивился. *Там большие людские поселения. Когда больные войной явятся сюда, моей семье придётся перебраться на юг, ближе к этим поселениям. Или на север, в горы. Расскажи мне, какие там люди. Как жить с ними рядом?*

И снова поведение старого лиса помогло Паксу успокоиться. Он перестал скакать по камням, сел. *Я многих видел издали. Но я знаю только двух.*

Те, которых я знал раньше, поступали фальшиво. А твои?

Пакс не понял.

Серый сел и, волнуясь, передал Паксу людские поступки, которые он видел: человек отворачивается от соседа, умирающего от голода; делает вид, что у него нет еды, хотя его кладовые полны. Самка человека притворяется, что ей неинтересен самец, хотя она выбрала его для

себя. Человек подзывает овцу из стада ласковым голосом и потом убивает её. *Твои люди так не делают?*

Пакс тотчас вспомнил, как отец мальчика, держа лиса за шкуру, выбирался из машины и как огорчённо звучал тогда его голос, но по резкому, сильному запаху лжи Пакс знал, что это огорчение фальшивое.

Он снова взглянул на ручей. Прямо перед ним поток, ударяясь о груды камней, разделялся надвое, а потом снова сливался, заплетаясь упругой серебряной косой. И Пакс вспомнил ещё кое-что.

Когда он был пугливым щенком – вскоре после того как мальчик его спас, – в дом пришла незнакомка с длинной серебряной косой, стекающей по плечу. Пакс видел из-под стола, как отец его мальчика улыбался ей, обнажая все зубы, – Пакс уже научился понимать, что это означает: *Приветствую тебя; рад тебя видеть; не желаю тебе зла*. Но внизу, под этой улыбкой, всё тело отца мальчика было сковано злостью и страхом.

Пакса озадачивал этот страх: незнакомка была маленького роста и излучала только заботу и доброту. Она много раз повторяла слово, которое, как уже понял Пакс, было связано с его мальчиком: «Питер» – и это слово звучало умоляюще. На лице отца мальчика висело, как замороженное, приветствие с обнажёнными зубами, но, когда он ей отвечал, вся комната до краёв заполнилась горьким запахом обмана. Когда незнакомка ушла и отец мальчика громко закрыл за ней дверь, его грудь была угрожающе выпячена.

Пакс обернулся к старому лису.

Я тоже это видел. Мой мальчик так не делает, он – нет. Но его отец – да.

Услышав это, старый лис как будто постарел ещё больше. С видимым усилием он снова сел и выпрямился. *Когда я жил с ними, они были беспечны. А сейчас?*

Беспечны?

Они распахивали поля и убивали мышей, которые там живут. Без предупреждения. Они запруживали реки и оставляли рыбу умирать. Они по-прежнему так же беспечны?

Однажды, когда отец его мальчика собрался срубить дерево, Пакс видел, как Питер залез на самый верх, снял птичье гнездо и перенёс его на другое дерево. В холодные дни Питер подкладывал в загородку Пакса свежую солому. А прежде чем садиться есть, всегда заботился о том, чтобы у Пакса тоже были еда и вода. *Мой мальчик не беспечный*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.